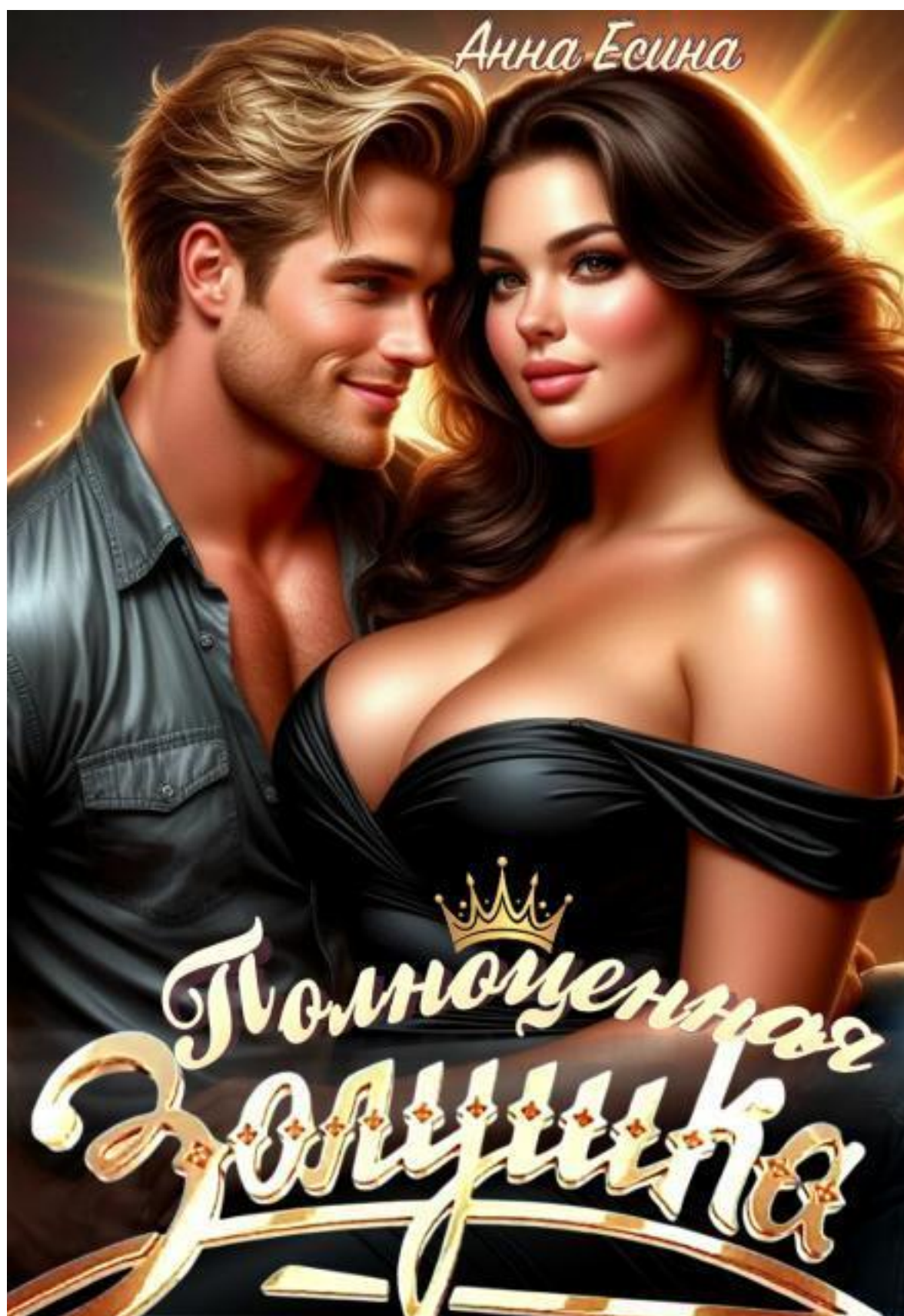

Анна Есина

Анна Есина

Полноценная Золушка

«Литнет»

2026

Есина А.

Полноценная Золушка / А. Есина — «Литнет», 2026

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО И ГОРЯЧО! ЮМОР Что будет, если история Золушки случится в XXI веке – с потерянной туфелькой, но без принцев, зато с IT гением и говорящим с чукотским акцентом роботом-уборщиком по кличке Гонзо? Ника после бурной ночи просыпается в одной постели с красавцем-незнакомцем и в панике сбегает, забыв туфельку. Ян, покоренный её непосредственностью, не намерен терять свою Золушку: он находит её... и под видом нового жильца заселяется к ней в квартиру! Теперь Ника готова на всё, чтобы выжить непрошеного гостя, а Ян твёрдо намерен её завоевать. Что победит: её изобретательная фантазия или его похвальная настойчивость? Искромётные диалоги, уморительные ситуации и океан чувственности ждут вас в этом романтическом комедийном вихре! **ГЛАВЫ ВЫХОДЯТ ЕЖЕДНЕВНО!**

© Есина А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Фоточка Янчика	8
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Ника

Наутро очухиваюсь в диком угаре. В голове всё гудит, дребезжит и позвякивает, как в лавке с хрусталём, которую посетило землетрясение.

Медленно приподнимаю пудовые веки и вижу чью-то бессовестно раздетую пятую точку. Весьма крепкую, кстати. Дальше за этими аппетитными холмиками простираются две дюны длинных мускулистых ног, покрытых буйной растительностью цвета пшеницы.

Сомневаюсь, что меня угораздило заночевать в одной постели с легкоатлеткой, больной гипертрихозом, поэтому вывод напрашивается сам собой.

Я лежу на спине у голого мужика. Размер ступней подтверждает мои догадки.

Осторожно приподнимаюсь на локтях. Шея прямо-таки воет от сна в отвратительно неудобной позе.

Пить хочется неимоверно.

Господи, это ж надо было так нажраться накануне. Вчерашний вечер и ночь начисто смыло из памяти.

Где я и с кем – дело десятое, важнее осознать, в каком виде.

С ужасом осязаю липкое тело, перемазанный чем-то сладким живот, отползаю от крепкозادого напарника и силюсь сфокусировать на нём взгляд.

А там загляденье! Рельефные мышцы под отполированной кожей – тут и мощные плечи, и изящная линия позвоночника, и эта завораживающая V-образная форма, сужающаяся к талии. На затылке и вдоль шеи рассыпаны мягкие светло-русые волосы.

Лицо мне видно лишь наполовину, другая часть утопает в подушке. Впрочем, подробностей уже с лихвой. Утешает тот факт, что плеядою около тридцати, а не двадцать с обрубком, но...

Блин, сколько же мы вылакали, если наутро очутились вместе?

Пару секунд любуюсь слащавой мордашкой. Там и губки бантиком, и бровки домиком, и носик прехорошенький – в другой ситуации зацепала бы ути-пусичного красавчика.

Надеюсь, мы засняли все наши ночные игрища на камеру, потому что не вспоминать ТАКОЕ – тяжкий смертный грех. А я ничегошеньки не помню.

Эх, жизнь моя беспросветная. В кои-то веки урвала красавчика по акции и даже не наслаждалась толком.

Ладно, по возвращении домой запишусь на сеанс гипноза. Или найду толкового экстрасенса, который прогонит алкогольный дурман и подарит мне прекрасный эпизод для мемуаров.

Судя по всему, мы в гостинице. В номере этого голозadого «ах, какая спортивная фигура» блондина. Постель представляет собой плачевное зрелище. Подушки разбросаны, простынь вся в каких-то липких розовых пятнах. На тумбочке поднос с пустыми тарелками. У окна валяется порожняя бутылка из-под вина. Тоненькая белая занавеска заляпана чем-то красным вроде помады.

Если мы целовались через штору, то всё, пиши пропало. Я точно набралась вчера по самые брови.

Тихонько, словно мышка, сползаю с кровати и крадусь на поиски своих вещей. В мышцах ощущается приятная усталость. Колени подрагивают, бёдра саднит. Короче, всё во мне с усердием выглажено, выскоблено и утрамбовано, как и полагается после бурной ночи.

Бельишко своё нахожу на ручке входной двери. Сарафан вытаскиваю из-под стола, тщательно пересчитываю валяющиеся рядом пакетики из-под презервативов. Три! Мать вашу, три использованных гон... контрацептива. И это мы даже до постели не добрались.

Хочется биться башкой об стену: «Вспоминай, Ника! Вспоминай, чем вы тут занимались с Жопуардом?!»

С этого дня завязываю со спиртным. Пролопоушить такой момент! Ну курица, какой с меня спрос.

Быстренько влажу в свои вещи и шныряю глазами в поисках туфель и сумочки. В последней телефон, банковская карта и ключи от моего номера. А без обуви тоже далеко не разбежишься.

Вот, почему надо сохранять в памяти подобные моменты. Сейчас бы напрягла железную извилину, соотнесла наши любовные игрища с перемещениями в пространстве и по методу Холмса вычислила, где туфли.

Так, трусы с меня слетели сразу за порогом. Ураганный ветер, не иначе. Тем же тайфуном избавило от лифчика. Ну допустим, катаклизм вчера приключился. Либи́до так и шарахало по всем направлениям.

А что дальше? Сахарные Булочки оприходовал меня прямо на столе, подозреваю, что пару раз, лишь потом удосужился снять платье и закрепил эффект третьим заходом.

Тогда не понятно, на каком этапе я рассталась с сумочкой и туфлями.

Внезапная догадка застаёт меня прямо рядом с кроватью, в которой всё ещё посапывает мой подтянутый любовничек. Ползаю бесцельно на карачках, силясь заглянуть под каркас, и тут бамс! Осеняет.

Да, кстати, на полу ещё четыре надорванных фольгированных пакетика. Итого выходит счастливая семёрка.

Хочу скачками нестись в ванную, но Крепкозадов громко всхрапывает и переворачивается на спину. С силой бьёт рукой по свободному краю (*будь я рядом, проснулась бы от жёсткого тумака*), подгибает одну ногу в колене и досматривает свой молодецкий десятый сон.

А я падаю обратно на четвереньки и воровато ползу дальше. Удержаться от соблазна и не глянуть, что там у него с фасадом, попросту невозможно.

Батюшки, да это же сам Бамператор Жопулус Величественный! Рот помимо воли наполняется слюной, а меня так и тянет разбудить красавчика для торжества справедливости. Ну не честно это, что я не помню самый божественный секс в своей жизни!

Жаль, ничего не выйдет. По пьяной лавочке я сумела сойти за королеву красоты, а на трезвую голову такой трюк вряд ли удастся. Ещё испугаю красатулишну, комплексы какие привью, да даже травму психическую могу нанести.

А дело всё в том, что я отнюдь не ровня этому лакированному кабриолету. В сравнении с ним я старенькая потрёпанная «Нива» с прицепом в виде развода. И нет, не по возрасту, а скорее по внешним габаритам.

Круглолицая, пышнотелая, коротконогая – словом, сплошной неформат в мире, где ценится глянцево́сть и пожизненный абонент в фитнес-клуб.

Ползком добираюсь до санузла и, вуаля, туфелька найдена. Сумочка прячется тут же, на кафеле, накрытая сверху мужской рубашкой с коротким рукавом. Жамкаю в ладони вещичку, а потом поддаюсь соблазну и ныряю в неё лицом.

Ну почему он и пахнет бомбически?! Ноткой горького цитруса, капелькой шоколада и чем-то влекуще-тёмным, что отдаёт в животе томительной резью.

А может, вернуться в постель, завязать герцогу Твёрдопопе глаза и наклепать новых воспоминаний?

Но вторая туфелька важнее несбыточных мечтаний, так что я хватаю свои сокровища под мышки и ползу дальше.

Надо заводить привычку культурно раздеваться у кровати. Разоблачилась, вынула заранее припасённые плечики, всё аккуратно развесила и скачи сайгаком хоть до рассвета. Но нет же, мы лучше наследим по всему номеру. Не удивлюсь, если узнаю, что вопила: «Таги-и-ил», колошматила себя в грудь и задирала ноги до потолка...

Кошусь на люстру, и тут облом. В унитаэ я обувку спустила, что ли?

А дальше действовать приходится незамедлительно. Потому что Титанопоп вскидывает руки вверх, тянется и, не разлепляя глаз, ворчит режущее-сексуальным голосом:

– Ника, падай на папочку. Я перевёл дух.

Только я уже на пороге. В отчаянии цепляюсь за ручку двери и уговариваю себя не оглядываться. Я ведь не Орфей...

Вы ведь знаете эту душещипательную историю о музыканте, который потерял свою жену Эвридику – она умерла от укуса змеи. В отчаянии он спустился в царство мёртвых и своей музыкой растрогал Аида. Тот согласился отпустить возлюбленную, но поставил условие: Орфей должен идти впереди, а Эвридика последует за ним, он не должен оборачиваться до выхода из подземного мира.

Орфей двинулся в путь. Уже у самого выхода сомнения одолели его. Он обернулся, чтобы убедиться, что Эвридика идёт следом... В тот же миг она навсегда исчезла в царстве мёртвых. Орфей потерял возлюбленную из-за одного рокового взгляда.

А чем поплачусь я, ведь не смотря на доводы разума всё же оборачиваюсь и целый миг купаюсь в океаническом мареве мужских глаз.

Надо же, он запомнил моё имя, а вот я его – нет. Означает ли это, что я легкомысленная? Да разумеется! И дико горжусь собой.

Фоточка Янчика

Ян Холодов (подпольная кличка Жопуард), 32 года, глава отдела тестирования в холдинге "Мир будущего"

Если зашел главный герой, не забываем ставить звездочки этой истории, добавляем в библ и подписываемся на автора! Я обещаю сделать эту весну поистине романтической))

Коммент тоже жду! Как вам начало?

Глава 2

Месяц спустя

Ян

Утро начинается с сюрприза – и, как водится, не самого приятного. Я как раз допиваю кофе, привычно разглядываю стоящую под монитором женскую туфельку и размышляю о том, что сегодня неплохо бы протестировать новую систему распознавания эмоций у наших ассистентов, когда в кабинет врывается Пашка, мой зам:

– Ян, там... это... того... на складе... Капут драконис просто! Короче, тебе лучше самому увидеть, – выдыхает он, едва переводя дух.

Обожаю, когда мои подчинённые изъясняются на диалекте старого доброго третьего «Вэ».

– Если на складе не обнаружится ничего страшнее издохшей мыши, лишу тебя, Павлучо, квартальной премии. Как тебе такое стратегическое решение? – усмехаюсь я, но по лицу зама понимаю: шутки пока отложим.

Огромный промышленный ангар встречает меня горами коробок, в каждой из которых россыпь деталей, и парой наполовину собранных роботов, что беспомощно моргают индикаторами, будто говоря: «Ну и кто нас теперь доделает?»

– Вот это конструктор «Очумелые ручки», – присвистываю я. – И кто-то ещё говорит, что взрослые не любят Lego...

Павел только вздыхает:

– Поставщик из Китая даром что опрофанил все сроки на три недели, так ещё вместо готовых машин прислали вот это. Половина партии – просто детали вразнобой. Я даже не знаю, как это проверять и пересчитывать.

– Отлично, – я хлопаю в ладоши, поздравляя нас обоих с ошеломительным крахом. – Теперь переименуемся из отдела тестирования в мастерскую по сборке роботов своими руками. Запишем всех на курс «Сделай андроида из груды хлама. Пошаговая инструкция для неумёх: от болтика до искусственного интеллекта».

Настроение портится окончательно, когда заглядываю внутрь одной из сотни коробок. В ней лежат руки, заботливо обёрнутые пупырчатой плёнкой. В следующей нахожу сенсорные дисплеи, которые должны выполнять роль пользовательского окна в животе наших «телепузиков».

Психую знатно, и чтобы не разнести всё к такой-то матушке, велю Павлинычу звать умного ассистента-суфлёра.

Мы подключаем переводчика – новенького андроида с безупречной дикцией и невозмутимым выражением «лица». Он замирает рядом, готовый транслировать мои слова по-китайски.

На экране видеосвязи появляется представитель поставщика, мужчина средних лет с заискивающей улыбкой. Он почтительно кланяется:

– Уважаемый господин Холодов, рад снова видеть вас!

– И я тоже преисполнен счастьем, – скалюсь, как шакал, и расшаркиваюсь в реверансах.

Вся эта церемониальная гимнастика утомляет. Сотрудничать с русскоязычными партнёрами мне в разы приятнее. Позвонил, навтыкал матерных слов по самую маковку, и все сразу друг друга поняли. А здесь же приходится разводить чайные церемонии.

Вкратце излагаю свои претензии. Господин Аньда сочувственно кивает, строит скорбную мордашку и постоянно твердит: «Хаода, хаода, хаода». И без услуг железного толмача понимаю, что это переводится как «Хорошо».

Хорошо ему, видите ли. А меня гендир за такую проволочку в зубной порошок сотрёт и по свету белому развеет.

– Примите наши глубочайшие извинения за задержку поставки, – расшаркивается китаец. – Возникли непредвиденные логистические сложности, но мы уверены, что качество наших компонентов вас не разочарует.

Переводчик лихо справляется со своей задачей, и я усмехаюсь:

– Компонентов? Мы не тестируем компоненты, господин Аньда. Я ждал поставку готовых роботов, а не набор «Собери цифрового друга за выходные».

Представитель слегка бледнеет, но сохраняет улыбку:

– Мы готовы предложить вам скидку в 15% в качестве компенсации.

– Вы раните мои чувства, товарищ! – я картинно хватаюсь за сердце. – Видимо, скидка пригодится на то, чтобы купить побольше отвёрток для моих инженеров. Они как раз жаловались, что старые заржавели.

Андроид дословно воспроизводит мою сдержанно-гневную отповедь. Китаец бледнеет, шныряет глазками.

Пашка за моей спиной не выдерживает и фыркает.

– Но наши детали высочайшего качества! – поспешает добавить горе-поставщик. – Вы можете собрать их самостоятельно, это несложно...

– Мы отдел тестирования! – перехожу на жёсткий командный тон. – Мои ребята проверяют работоспособность роботов, а не собирают их. У нас тут не фабрика поделок, а серьёзный отдел. И знаете что? Если вы не заберёте эту партию и не пришлёте готовые машины в течение недели, я засчитаю их за расходники. И оплатим мы всю эту вакханалию соответственно. Будете знать, как подводить меня!

Представитель замирает, явно осмысливая угрозу. Умная машина, закончив с переводом, выводит на свой экран задранный вверх палец. Лизоблюд.

– Но это же наши лучшие модели! – пытается возразить Аньда.

– Вот именно, – я наклоняюсь ближе к камере. – Поэтому они должны приезжать ко мне готовыми к работе, а не к тому, чтобы мои инженеры собирали их по инструкции за чашкой кофе. Кстати, кофе у нас плохой. Так что мотивация у них слабая. А вот от желания предъявить претензию размером с вашу великую стену я буквально выпрыгиваю из штанов.

И начхать, как это интерпретирует киборг. Да ещё абсолютно ровно, что из этого усвоит проштрафившийся деловой партнёр.

На том конце соединения повисает пауза. Представитель нервно тербит край рубашки, потом глубоко вздыхает:

– Хорошо, мы заберём партию и заменим её на готовые устройства. Ещё раз приношу свои извинения за сложившуюся ситуацию.

– Превосходно, – говорю сухо и холодно прощаюсь.

Когда связь прерывается, я поворачиваюсь к переводчику:

– Ну что, жестянка, как думаешь, они всё поняли?

– Согласно анализу интонаций и контекста, – отзывается умный ассистент, – они поняли даже больше, чем вы сказали.

– Вот и отлично, – я потягиваюсь. – Паш, скажи закупщикам, чтобы готовили список требований к следующей партии и особо подчеркнули пункт о полной готовности машин к работе. А эту порожнюю хрень, – обвожу рукой перегруженный склад, – отправляйте обратно с припиской «неликвид».

Павел ухмыляется:

– Может, всё-таки соберём парочку? На память.

– Можешь лично для себя смастерить одного и подписать: «Образец недобросовестной поставки», – смеюсь я. – Ладно, за работу. У нас ещё куча тестов впереди.

До обеда успеваю отчитаться перед московским начальством о запоротой партии. Разгребаю повседневные задачи и с торжеством поглядываю на туфельку.

Сегодня, уже сегодня, – обещаю себе и мысленно потираю руки.

Да, я её нашёл. Свою Золушку, которая умудрилась сбежать от меня под утро, оставив на прощание лишь смешливый взгляд да прехорошенькую серебристую лодочку, усыпанную стекляшками. Уж не знаю, чем эта Ника мне так запала. В тот вечер казалось – обычный курортный перепихон на одну ночь. Ведь начиналось, как по сценарию.

Познакомились в баре, я, как истинный ловелас со стажем, угостил девушку коктейлем. Разговорились, выяснили, что земляки. В честь этого знакового события пропустили ещё по паре бокалов.

А потом она, с виду вполне обычная, показалась мне охеренной красоткой. Её искренний смех и дерзкие словечки приоткрыли завесу над заурядной внешностью, и...

Дальше мы уже целовались в фойе моего отеля. Поднялись на крышу, где уже в другом баре догонялись сногшибательными видами ночной Анапы, просоленным морским ветром и горячительными напитками.

То, что она вытворяла в номере, я даже описывать не возьмусь. Горячая, бесстыжая и дикая женщина. От неё меня штормило так, будто мы оба угодили в эпицентр торнадо.

А наутро эта нимфа, которую я нежно окрестил богиней секса, просто свинтила. Ни тебе прощальной записки, ни наспех выведенного помадой номера телефона на зеркале в ванной, ни свежей дозы плотской любви – ничего.

На память мне остались только её имя, найденная на балконе туфелька и горечь от расставания.

Вначале я отмахивался от этих эмоций. Что за сентиментальность во мне очнулась? Ну не пожелала кошечка попрощаться по-людски, предпочла раствориться в лучах рассветного солнца, в чём проблема? Разве я хоть раз созванивался с однодневками? Или искал повторной встречи?

Я и с постоянными любовницами пересекаюсь от случая к случаю. Банально некогда, потому что живу работой, ей же дышу и всеми помыслами стремлюсь в офис.

А вот с Никой вышло иначе.

По первости мысли о ней всплывали на периферии раза два-три за день. Потом участились.

Я зачем-то привёз её туфельку в родной Иркутск, потом приволок обувку в свой кабинет. Следом стал ловить себя на любопытстве. У меня появились вопросы. Захотелось узнать, кто она, чем занимается, как проводит свободное время, о чём мечтает...

К концу первой рабочей недели я понял, что должен попытаться выяснить хотя бы её фамилию.

Пришлось разложить на молекулы весь тот вечер (ночь я и без того закрутил на повторе до сквозных дыр) и припомнить всё, что рассказала о себе Ника.

Мы проболтали без малого четыре часа, прежде чем забуриться в мой номер, но фактов оказалось не так уж много.

Я набросал крошечное портфолио:

Имя: Ника (возможные вариации Вероника, Доминика, Николь; предложенные ассистентом имена вроде Моники, Евника и Шушаника исключаем сразу, ибо бред сивой кобылы).

Город проживания: Иркутск с припиской «коренная иркутянка».

Возраст: 28–34 года.

Профессия: жирный прочерк. Мы обсуждали в основном мой послужной список.

Увлечения: пилатес, путешествия, КНИГИ. Необходимо сделать акцент именно на последнем, Ника несколько раз повторяла, что обожает читать.

Особые приметы: животная сексуальность и раскрепощённость.

Детали встречи: была в баре «Морской бриз» в Анапе 15 июля, пришла с подругой Мариной (возможно, есть совместные фото).

Написать скрипт для парсинга профилей в соцсетях [*это извлечение информации о пользователях (имена, контакты, количество подписчиков, посты и т. д.) с помощью специальных программ или скриптов*— здесь и далее примечание автора] по заданным параметрам для человека с моим образованием и опытом работы в IT-сфере дело плёвое.

Спустя четыре часа напряжённой работы компьютер выдал мне базу данных с подборкой наиболее подходящих страниц. В ней было 1845349 имён, с которыми я усадил разбираться андроида.

Отсев явно неподходящих профилей – это занятие для бездушной и скрупулёзной машины, живому человеку нечего даже соваться в столь объёмный массив информации.

Так что головастик исключил всех, кто не соответствовал возрасту, убедился, что в качестве родного города указан Иркутск, стёр все аккаунты без фото или с явно нерелевантными аватарками и... Барабанная дробь! Сестра, стакан водки и барбариску!

Бинго! У меня перед глазами возникла подборка иркутянок с каштановыми волосами в возрасте около тридцати лет, содержащая две сотни аккаунтов.

Пришлось проверить каждый вручную. Но я тот ещё упрямый сукин сын, поэтому на девяностой аватарке наткнулся на ту самую.

И обомлел. До чего хороша! Аж внутри всё скукожилось...

Из воспоминаний меня выдёргивает напоминание от цифрового помощника:

«Сегодня в 19.00 запланирован переезд на новую квартиру. Грузовое такси придет в 18.10».

С улыбкой смотрю на чёртову туфельку, из-за которой потерял сон и покой.

Ну, что, Суворова Ника Анатольевна, готова ко встрече со звездой?

Глава 3

Ника

Конечно, я готова! К труду и обороне! Переть на мины и грудью бросаться на амбразуру. С таким настроем усаживаюсь за ноутбук, ставлю рядом чашку кофе и блюдо с орешками и спешу окунуться в увлекательный мир редактирования.

Первые пару глав текста проглатываю залпом. Эх, хорошо написано! Горжусь собой в данный момент, перебираюсь на третью часть, и тут входная дверь открывается.

Хозяин что ли пожаловал? Так рано, мы с ним рассчитываемся в конце месяца, а сейчас едва перевалило за вторую половину августа. Но больше ни у кого ключей нет, соседка, с которой мы делили съёмную квартиру на двоих, съехала ещё в начале лета.

Сохраняю документ и бегу в прихожую проверить, что это за внеплановое паломничество. И буквально теряюсь при виде двух бравых мужиков в спецодежде, которые затаскивают в мою прихожую огромную беговую дорожку.

– Э-э-э, граждане! Стоять! Вы адресом ошиблись! – семафорию им всеми доступными способами: и руками машу, и на месте подпрыгиваю от изумления, и воплю как погорелица.

Парни застывают с неподъёмной ношей. Глядят на меня, как первоклашки на теорию вероятности. Один, косматый детина с жидкой бородкой, смешно поддёргивает веком, силясь смахнуть капельку пота, набежавшую из-под буйной шевелюры.

– Ну чё встали, увальни! Двигай давай! – долетает с лестничной клетки грубый голос.

Высовываю нос за дверь, а там вверх по ступенькам ползёт целая вереница крепких молодцев с тюками, котомками и коробками.

Так, вот для чего пригодится грудь четвёртого размера!

Кидаюсь первым вошедшим наперерез и верещу:

– Стоять-бояться! Лапы вверх! А ну живо объясняйтесь, кто вы и зачем устраиваете из моей квартиры каморку Плюшкина?!

Успеваю только нахмуриться. Воинственно подбочениться не даёт входящий звонок, подписанный как «Аренда Сергей Михалыч».

– Ника, здравствуй! Совсем закрутился с делами, – слышу в трубке гнусавый баритон хозяина квартиры. – Забыл тебя предупредить, что сегодня въезжает новый жилец.

– Да как же это...

– Ты не переживай, мужчина надёжный, – Сергей игнорирует моё робкое бление, – я проверил по всем каналам. Договор мы с ним на пять лет заключили, залог я с него по полной программе содрал, так что не волнуйся. Всё чин по чину. За неудобства готов сделать тебе скидку в десять процентов, всё-таки был уговор на соседку, а тут жилец – мужчина.

– Нет...

У меня всё внутри проваливается в бездонную пропасть. Какой ещё писюкатый квартирант?! Я не согласна делить пространство с особью мужского пола. Это никуда не годится! Что мне прикажете, труселя в одном барабане с его потными носками стирать? И унитазом совместно пользоваться?!

– Сергей Михалыч, родненький, да как же...

Слова застревают в глотке, потому что следом за работягами с тренажёром порог переступает ОН.

Узнавание настолько молниеносное, что меня попросту сшибает с ног. Плюхаюсь на ближайшую банкетку, не переставая прижимать смартфон к уху, и балдею.

Да быть того не может! Ко мне въезжает Жопуард Крепкозадов. Собственной холёной, мать его, персоной!

Вообще странно, что я так быстро признаю его в одежде. В джинсах и расстёгнутой рубашке, из-под которой выглядывает сияющая белизной майка, он смотрится чуточку попроще. Нет этих ошеломительных изгибов и заломов на теле, выпячивающих развитый мышечный корсет.

Зато бесаячая дьявольская ухмылка в половину рож на месте.

Пару мгновений рассматриваем друг друга с придиричивостью. Я подмечаю всё те же расчёпанные пшеничные волосы, глаза цвета лазури и рыжеватую щетину.

Сориентироваться быстро не получается. Его смешливый взгляд не истолковать с полтычка. Узнаёт он меня и так же огорошен встречей, или изучает в качестве соседки – понять невозможно.

Вспоминаю, что сегодня я как никогда далека от образа соблазнительной нимфетки. На голове воронье гнездо. Мося без макияжа. Вырядилась я тоже отнюдь не по случаю званого ужина в компании английской королевы – в хлопковую пижамку с клетчатыми штанами и футболкой с рисунком плюшевого мишки на груди.

Кто ж знал, что вечер превратится в ЭТО.

Так что вместо объятий с криками: «Жопуард! Сколько лет, сколько зим!», навешиваю на физиономию маску строгой училки и с прохладцей спрашиваю:

– А ты и есть тот самый новый сосед?

Поп-мастер лениво щурится, бряцает на пол тяжеленный чёрный чемодан на колёсиках, складывает ручку и кивает. Поворачивает голову и командует бригаде:

– Живее там, чего растележились!

– Дык, а куда нести?

Блондин указывает рукой на мою половину.

– Вообще-то туда, – подсказываю грузчикам верное направление, отключаю вызов и понуро плетусь в свою гостиную.

Кошмар! Случалось мне слышать об историях, в которых ты на две секунды выбегаешь во двор в замызанном халате, с бигуди на голове, да ещё в рваных шлёпанцах и неожиданно сталкиваешься с бывшим, что ведёт под локоток мамзель неземной красоты и разодетую по последней моде, но моя ситуация... Это фиаско, братан! Полный нокаут с последующей депортацией в стан неликвидных разведёнок.

Если красавчик меня признал, то теперь и под пытками не сознается, что когда-то имел неосторожность уложить меня в койку. Такую мымрятину, право слово!

Неужто мне теперь скачками переодеваться и прихорашиваться? Пф, вот ещё. Это он вломился в святая святых, вот теперь пускай и расхлёбывает. Нечего заселяться в квартиру на двоих, предварительно не познакомившись с соседями.

И вообще у нас с Михалычем была договорённость: я отвечаю за жилплощадь, подыскиваю компаньонов, передаю ему квитанции из ЖЭКа и всё такое прочее. Подселить ко мне товарища Две Ягодицы Одна Другой Краше в высшей степени негуманно. А вдруг у меня мужикобоя? Что недалеко от истины, кстати, если вообразить моего бывшего в образе бездушного урода.

Сажусь обратно на диван, подбираю под себя ноги и с ненавистью пялюсь в экран ноутбука. Попытку поработать над книгой можно смело позабыть. За стенкой творится такое, что напрочь убивает сосредоточенность.

Шаркают чьи-то ноги, матюки летят в разные стороны. Зычный бас раздаёт указания «Левее, правее! Выше!» и «Вы что, ироды, шары со вчерашнего не просушили?!»

А мне, между прочим, пИсать охота. И чайку. И ванну принять срочно, потому как всю холодным потом обсыпало.

За месяц я так и не вспомнила подробностей нашей страстной «семь раз тебя возьму» ночи. А мне бы они пригодились! Вот серьёзно.

Роман, над которым сейчас работаю, внезапно ушёл в пробуксовку. Герои стали вызывать зевоту, их диалоги напоминают переговоры по рации в разгар адреналиновой спецоперации: сплошной пафос, патетика и ноль слаженности, будто в эфир вторгаются все разом и кричат что-то эмоциональное.

Мне срочно нужна встряска или крепкий творческий подзатыльник. До начала учебного года я планировала отыскать эту клятую точку раскочки и с энтузиазмом дописать историю, а для таких подвигов необходимы уединение, покой и нерушимая тишина.

Стук в дверь бьёт по всей нервной системе.

– Ну чего ещё? – просовываю нос в узкую щель с намерением раз и навсегда отвадить Жопуарда.

Но у того начисто отсутствует чувство такта, потому что вламывается он весьма по-свински. Просто толкает хлипкую дверь и оттесняет меня ею, как пушинку.

– Я спросить хотел, аквариум на кухне не помешает?

И нагло оценивает мой бюст, будто привык разговаривать не с женщинами, а с их сиськами.

Надо было всё же подождать лифчик под пижаму, негоже сверкать мягкими прелестями, когда в доме мужики толпами роятся.

– Не помешает, – томно проговариваю, а внутри закипаю от гнева. Ещё и селёдок своих припёр!

Батюшки, да этот взъерошенный кобелина сюда девок стадами водить будет! Сами посудите, для чего смазливый гадам нужна съёмная комната?! Правильно, чтобы сэкономить на гостиницах. Не удивлюсь, если он тут только по выходным и вечерам пятницы ошиваться станет, а в обычные дни будет коротать ночи где-нибудь под боком у жены.

– Посолою, поперчу, кипятильник суну и угощу ухой, – заканчиваю мысль и корчу добрососедскую моську. Подружмися, мол. – Кстати, тебя как звать?

Хотя по большому счёту мне плевать. С этого дня и до скончания веков нарекаю тебя, лакомый, Жопуардом, графом Ягодициным.

– Янис, можно просто Ян, а...

Не терплю никаких вопросов. Выставляю руку, коротко бросаю:

– Ника. Спасибо, что заглянул, больше так не делай. У меня социофобия, – и толкаю его плечом в коридор, а после захлопываю дверь и врубаю соображалку на полную мощность.

Что там Михалыч говорил насчёт пяти лет аренды? Вот уж фигушки! Не собираюсь я ночевать бок о бок с этой ходячей провокацией.

Значит, настало время достать с антресоли коробку с детскими вещами и смахнуть пыль со старой доброй компьютерной игры под названием «Как достать соседа». Помнится, в ней было сотни две нетривиальных советов на тему того, как изгадить жизнь ближнему. Вот ими и воспользуемся!

Часа два провожу в телефоне, изобретая всё более изощрённые пакости. Лучшие идеи заново в заметки, и вот что уже накопилось:

Положить сырое яйцо в микроволновку – пусть взорвётся при разогреве.

Заменить обычное молоко на газированное – при кипячении будет пена до потолка. Остаётся сообразить, где взять газированное молоко. Через сифон пропустить его что ли?

Установить таймер на фен, чтобы он включался сам в три часа ночи. Надо разузнать, нет ли в продаже «умных» фенов, которые программируются с телефона.

Наконец наступает блаженная тишина. Напяливаю бюстгальтер – вот они, прелести жизни с посторонними, грудь и ту приходится упаковывать, – и с опаской плетусь на кухню.

Планировка у моей (да, я лютая собственница) квартиры довольно своеобразная. По центру тянется коридор метра четыре в длину, который упирается прямо в пищеблок. Справа

находится огромная гостиная, а слева примыкают две смежные комнаты. Их и занял товарищ Ягодицын.

А ещё захламил своими пожитками весь коридор и часть кухни. Вот же жучара навозный!

Протискиваюсь мимо башен из картонных коробок, с трудом пролажу под скрученным в рулон ковром (он никак не меньше трёх метров в высоту), что стоит у двери в уборную и упирается в потолок, и вдруг замечаю в полутьме два огромных зелёных глаза. Они сверкают, что фонари, и прут прямо на меня.

– Мамочки! – верещу аки впечатлительная барышня девятнадцатого века при виде мыши. – Да хоспадя, сгинь, чудовище!

Нырять обратно под гигантский половик и хочу дать конкретного стрекача, но утыкаюсь носом во что-то твёрдое и очень вкусно пахнущее.

– Чего голосишь-то? – с деланным равнодушием спрашивает Ян и обнимает меня за плечи, якобы чтобы помочь удержаться на ногах.

– Так тут это... Космасина! Инопланетянин во-о-от с такими глазищами!

Оглядываюсь назад, вижу, что это страшилище с глазами-лазерами приблизилось почти вплотную, и, наплевав на приличия, карабкаюсь вверх по соседу. Пускай его сожрут первым, мне не жалко.

Ян Твердопопый хохочет.

– Что, шваброида моего испугалась? – выдаёт сквозь переливчатый грудной смех и командует. – Гонзо, подай голос, приятель!

Слышно некое «билинь», словно... шваброид (*я ведь правильно поняла?*) принимает сигнал, а потом доносится механическое:

– Привета! Я Гонзо, робот-уборщик. Приятно познакомиться. Как мне к вам обращаться?

– Однако, – восклицаю в недоумении, слажу с квартиранта и пячусь чуть в сторону от обоих, – у тебя говорящий робот-пылесос?

Жопуард снова хихикает, переваливается через колонну коробок и бьёт по выключателю.

И я лицезрею это создание, будто сошедшее с эскизов безумного изобретателя. Перекошенное тельце напоминает неровный жестяной бочонок, собранный из алюминиевых банок разного калибра – где-то вздутый, где-то вдавленный, с зазубренными краями и следами грубой пайки. По бокам торчат ржавые шестерёнки и обрывки проводов, кое-где прикрытые кусками изолянты. Передвигается он на крестовине с колёсиками от офисного кресла. На верхней части, чуть накренившейся вбок, мостится пылесборник: самая обычная пластиковая бутылка со вставленной в горлышко силиконовой трубкой. Рядом гудит мотор от старого пылесоса, прикрытый куском жести с зазубринами.

По периметру неуклюже закреплены самодельные щётки из жёсткой щетины и деревянных палочек, а на небольшом асимметричном выступе – «голове» – криво посажены два ярких зелёных светодиода-глаза: один чуть выше другого, но оба светятся с таким живым, чуть лукавым выражением, что сразу забываешь про несуразность остального облика.

Говорит он густым, раскатистым голосом с явным чукотским акцентом: «Э-э, давай-ка, друг, не мешай, я тут порядок навожу... О-о, какой мусор, ух ты!» – и добродушно кряхтит, втягивая в себя очередную пыльную кучу.

Меня раздрает смех и в то же время сердце лопается от умиления, когда шваброид бесшумно подкатывается в моим ногам, бережно ведёт щетинками по пальчикам и внезапно подмечает:

– Э-э, да такой педикюр даже северное сияние позавидует! Красивый ножик!

– Красивые ножКИ, – с нажимом поправляет Ян.

Вот же свалились на мою голову эстеты!

Глава 4

Ян

Встреча проходит совсем не так, как планировалось. Вместо пылких объятий и жадных поцелуев с возгласами:

– Я всю жизнь тебя ждала! – получаю недовольство, хмурый взгляд и неумелую актёрскую игру в духе *«Я не узнаю вас в гриме»*.

Хм, ладно. Может, и впрямь не разглядела во мне второго участника той дикой ночи. Допускаю мысль, что я на отдыхе и я после суровых трудовых будней – это два разных человека. Есть во мне, скажем так, не парадная версия, которая отличается занудством и педантичностью. А в особо трагедийных случаях я становлюсь тем ещё буквой.

И как быть в такой ситуации? Я уже попытался напомнить о себе, когда вежливо представлялся, только Ника даже выслушать не пожелала. Вытолкала меня в коридор и шваркнула дверь.

Кстати, по поводу первых эмоций. Живой аналог моей Золушки оказывается во сто крат бледнее той яркой и смешливой девушки, которая мне запомнилась. И это, как ни странно, цепляет ещё сильнее.

Босиком она будто пониже ростом. Наверное, едва-едва добралась до отметки в метр шестьдесят. И пижама на ней отпадная, вся такая хлопковая, мягкая, домашняя. Грудь свободно колыхается под майкой, штанишки плотно облегают попу и покатые бёдра. На голове творится форменное безобразие. Да вообще вся она выглядит так, будто секунду назад выбралась из постели, и меня выворачивает от желания затолкать её обратно.

Короче, сдобный пирожок, а не баба. И я рядом с ней ощущаю недельный голод. Хочу взвалить на плечо, вгрызться зубами ей в бок и всю покрыть отметинами.

Но вместо этого уныло таскаю коробки и раскладываю вещи. У меня на этом пунктик: всё должно находиться на своих местах. Терпеть не могу бардак, а уж переезд для меня и вовсе похлеще стихийного бедствия.

Ника шныряет по кухне. Гремит дверцами шкафчиков, звенит посудой, льёт воду и что-то мелодично напевает. Замираю на пороге и вслушиваюсь:

«А где прошла ты – там упала звезда,

Там светила Луна и играла волна,

И все цитаты – я забрал у тебя,

И теперь, я как ты или ты, как и я.

(Ты, как и я)» [песня «Где прошла ты» исполнителей Гио Пика и Кравц].

Мимо деловито чешет шваброид, вторя пению Золушки, только выходит у него гораздо хуже.

– Грязно. Очень грязно, – заметив меня, хмуро говорит умник. – Я чистить, много-много стараться, без отдыха и подзарядки! Ты приказываешь, повелитель?

Киваю и волоку следующую коробку на разбор, но на полпути вспоминаю, что не сделал самое главное. Лечу назад, отыскиваю мусорный пакет с надписью «Прибамбасы Гонзо» и торжественно водружаю лоток в углу кухни.

– Эй, Гонз, глянь сюда! – подзываю суетливого уборщика.

Ника с интересом наблюдает за моими действиями.

– Ты ставишь роботу кошачий туалет?

– Да, он в него собирает крупный мусор и всё, что валяется на полу.

Шваброид уже всю шевелит механизмами и вроде как обнюхивает свою тару, хотя на самом деле вносит коррективы в трёхмерную карту помещения.

– Да-да, – встревает балабол. – Гонзо – помощник славный, да. Микросхемы золотые, матрица добрая. Аккуратный-аккуратный, ни пятнышка не оставит. Повелителю служит верно, день ото дня, дело за делом.

Ника смеётся, снимает с плиты кастрюлю и отбрасывает спагетти через дуршлаг. Бли-и-ин, у неё даже смех сексуальный. С лёгкой ноткой хрипотцы.

– Гонзо, он заставляет называть себя повелителем? Хочешь, подсказку вариант получше?

– Не-е, не повелитель я, нет-нет. Я Гонзо, да. Помощник. Помогаю, убираю, чищу, мою, всё блеснит. Ты зови меня Гонзо, Красивый ножик – я и так всё сделаю, хорошо сделаю, аккуратно!

– Да, диалоговая система у него ещё хромает, – делаю я вывод и устанавливаю рядом с контейнером зарядную станцию для говорливой железяки.

– Значит, ты повелитель, а я всего-навсего красивый ножик, – со смешком уточняет моя новая соседка. – Попахивает дискриминацией.

Она выкладывает пасту в сковороду, где уже шкварчит что-то аппетитное, и резко меняет тон. От былой весёлости не остаётся и следа.

– Кстати, не растолкуешь это? – тычет кухонными щипцами в стенку аквариума. – Я думала, будет чаша литров на двадцать, но никак не ожидала, что притаранишь сюда целую цистерну на тонну воды! Она же перегородила всё к чертям!

Доля истины в её претензии имеется. Аквариум и впрямь великоват. И он плохо вписывается в интервал между обеденным столом и холодильником. Да и близость батареи меня не радует. Всё-таки тамошние жители – существа прихотливые, им нужен особый микроклимат, и колебания температур могут пагубно сказаться на их самочувствии.

– Это не цистерна, – фыркаю я, подхожу к тумбе, вынимаю из верхнего ящичка коробку с сухими очищенными креветками и при помощи специального инструмента отправляю по одной в воду. Чуть взбалтываю.

Ника становится рядом, наклоняется и с интересом вглядывается в стекло. Аквариумных жителей она ещё не видит, но замечает кристально чистую воду, изумрудные заросли валлиснерии, замысловатые коряги и песчаное дно, усыпанное гладкими камешками – словом, почти идиллическая картина... пока не натыкаешься взглядом на моих приятелей.

Несколько пираний скользят в толще воды с пугающей грацией: серебристо-серые тела, красные брюшки и глаза, бесстрастные, как у бухгалтера в последний день квартала, когда разом горят все сроки по отчётности.

Они двигаются синхронно, словно репетировали этот номер для подводного шоу, а когда одна резко бросается за кормом, остальные смотрят на неё с немым укором: «Ну вот, опять ты всё внимание перетянула!»

Идеальная красота аквариума лишь подчёркивает их хищный шарм, как если бы в элегантной гостиной вдруг обнаружился кот в смокинге, который явно замышляет что-то недоброе с твоими тапочками.

– Это пираньи? – Ника с ужасом отступает назад, потом спохватывается и бежит обратно к плите. Спешно спасает ужин.

– Да, пираньи. Краснобрюхие, они хищники по своей природе, поэтому не советую совать в воду руки.

Соблазнительные запахи кружат голову и распаляют аппетит.

– В питомцах у тебя говорящая хреновина с чукотским акцентом. В качестве рыбок пираньи. Вещей столько, что хочется уточнить, какой пункт выдачи Вайлдберриз ты грабанул... Скажи, справка о вменяемости из психбольницы у тебя есть? А то я что-то начинаю беспокоиться.

Вот оно! Что меня зацепило в ней с первой же секунды. Непередаваемо острый язычок и обалденная мимика. За ту минуту, что потребовалась для перечисления всех фактов, акку-

ратные бровки сошлись воедино, разлетелись к вискам, изогнулись волнами и подлетели вверх пару раз. О губах так и вовсе молчу. Они слишком хороши для всех этих эротичных гласных вроде «О», «А» и «Е». Слушал бы и слушал. Не упрёки, нет. Гласные. Долгие, протяжные, жаркие.

– А-ау-у-у! Квартирант! Я с кем разговариваю? – она щёлкает у меня под носом пальцами, заставляя спуститься с небес на землю.

– А-а, да, вещей и впрямь многовато, – пожимаю плечами и снова подзываю Гонзо, чтобы познакомился со своим новым местом обитания.

– Где ты жил до этого?

В своей собственной квартире в центре города на улице Трилиссера, которая на порядок лучше этой малометражки и в плане ремонта, и по всем остальным параметрам тоже. Только не признаваться же, что явился сюда завоёвывать её сердце.

– Снимал таунхаус в Марково, – кривлю душой, чтобы хоть как-то оправдать тысячу и одну коробку.

Вчера, когда загонял в квартиру команду упаковщиков и раздавал указания, мне казалось, что вещей в самый раз. Мне ведь нужно прикинуться застигнутым врасплох, мол, бывший арендодатель с бухты-барахты велел отчаливать, а эта убогая халупа – единственный под-вернувшийся вариант.

Да, и именно поэтому я заключил договор съёма на пять лет, ага. Что-то в моей версии концы с концами не сходятся. Теряю хватку.

К счастью, Ника не углубляется в расспросы. Вынимает из холодильника банку маринованных каперсов, ставит на стол вместе с доской и ножом.

– Помощь нужна?

– Рассчитываешь на ужин?

– Если пригласишь, – подмигиваю и замечаю неправильную реакцию.

Она хмурится, поджимает пухлые губы... Те самые, которые я грыз с остервенением, пока наслаждался её мягким и женственным телом.

Молча толкает ко мне банку и отворачивается к плите. Так-так. Она всё же меня помнит. И злится. Выходит, в номере всё же осталась незамеченной какая-то записка с контактами?

Быть того не может. Я перед отъездом излазил каждый уголок, прошерстил весь телефон, до нервного истощения довёл администратора гостиницы, выспрашивая, куда подевалась моя ночная гостья, не просила ли она вызвать такси, не оставляла ли для меня что-нибудь. Я и в тот бар, где мы познакомились, наведывался дважды.

Ужинать садимся в тягостной тишине. Атмосферу не спасает даже шваброид.

– Ням-ням на здоровье, у-у! – со всех колёс несётся он к столу. – Это Гонзо, что любит повелителя и Красивый ножик, так желает приятного аппетита. Только тарелки не облизывай, ладно-ладно?

Ника прячет улыбку и прикладывается к стакану молока. Я вскидываю свой в надежде огласить тост, который всё расставит по своим местам, только соседка меня опережает.

– За знакомство! – и ударяется о мою кружку, после чего залпом выпивает больше половины.

Серьёзно? То есть она меня не узнаёт. Или прикидывается?

Жаль, что у людей, в отличие от машин, не прописывается на лбу двоичный код. Будь у меня перед глазами подобная подсказка, жизнь стала бы в разы проще.

– Ты заключил договор аренды на пять лет? Почему так надолго?

– Не люблю переезды. А ты давно здесь живёшь?

– Достаточно, да и на свет явилась отнюдь не вчера, – снова насупливается Ника и кивает на мою руку. – Часы, что на тебе – это Жэжэр-ЛёКультр [Jaeger-LeCoultre – марка статусных швейцарских часов], модель «Поларис». Если не ошибаюсь, такие не меньше десяти штук евро

стоят. Рубашка от Лемэр, джинсы сто процентные Ри-дан – это переработанные винтажные Левис, если что. Да и кроссовки с таким ненавязчивым логотипом «Ви» на боковой панели, – она кивает головой в сторону коридора, показывая, что подметила всё до мелочей, – тоже не китайская подделка, а брендовые Вежа. Так что по самым скромным подсчётам, прикид, что на тебе, стоит около полутора миллионов рублей. И ты пытаешься убедить меня, что срочно понадобилась комната в этой «общаге»?

Безупречная калькуляция, хотя я всё же пытаюсь сохранить хорошую мину при плохой игре.

– С часами ты сильно обсчиталась, – демонстративно поправляю кожаный ремешок. – Это удачная китайская под...

– Хватит! – Ника бряцает кулаком по столу. – Что тебе на самом деле нужно, Ян? Незатейливый перепихон по-быстрому?

Я аж теряюсь от её напора, хотя и ликую. Значит, признала. И теперь гадает, за каким чёртом я явился, да ещё со всем скарбом.

А я, честно говоря, без понятия. Мог ведь просто написать, когда нашёл в соцсетях, пригласить на чашечку кофе, запланировать следующую встречу в хорошем ресторане – словом, поступить по-людски, то есть по-мужички.

Мне захотелось экзотики. Каких-то новых ощущений. Не банальных ухаживаний, а вот так, нате, здрасьте, давай жить по соседству.

В общем, понятно, что ничего не понятно.

– Наоборот, хочу очень затейливый, – брякаю необдуманно, и Ника натурально впадает в ярость.

Хватает со стола солонку, опрокидывает её в мою тарелку, гневно трясёт, присыпая остатки еды белой пылью, и грозит:

– Ты завтра же, свалишь, понял, урод?! А если нет – пеняй на себя!

И шутихой улетает в свою комнату. На выходе из кухни чуть стопорится, перескакивает удивлённо замершего шваброида, а после закрывает к себе дверь и приглушённо кричит.

– Ты всё испортил, повелитель, да-да, – комментирует Гонзо. – Красивый ножик обиделась, плохо с ней обошёлся. Расстроилась.

– Да без сопливых, – бурчу себе под нос и принимаюсь убирать со стола.

Здесь, между прочим, даже посудомоечной машины нет. Круто я махнул шило на мыло.

И как теперь загладить косяк? А ещё мне любопытно, кем работает эта взбалмошная красотка? Вариантов пока три: либо она следовательно с намётанным глазом, либо блестящий налоговый инспектор, либо трудится в том самом бутике мужской одежды, куда я изредка навещаюсь за обновками. И последний вариант кажется наиболее правдоподобным.

Вот это я знатно лоханулся, конечно!

Глава 5

Ника

Вас когда-нибудь били по морде словесно? Вот чтобы от души, будто молотом с размаху – хрясь, – и забрало к чертям свалилось, а перед глазами запрыгали кровавые точки. Меня – да.
– *Наоборот, хочу очень затейливый.*

Эта фраза на повторе на протяжении всей ночи. Бесит! Наглый, напыщенный индюк! Выхухоль вислоухий! Ради потрахушек ко мне заселился и даже не постеснялся открыто в этом признаться.

Ар-р-р! Ну я ему устрою. Властитель шваброидов и хозяин пираний.

Господи, да у него же с головой полный разлад. Ну какой здравомыслящий человек нашпигует аквариум тварями, которые за пару минут могут обглодать кошку? А если бы у меня и впрямь жила Мурка? Он бы ещё тарантула приволок или скорпиона, да крокодила в ванне поселил. Маньяк прирождённый.

Кручусь с боку на бок, но сна ни в одном глазу. Любопытство снедает изнутри. Как же он меня нашёл? Зачем приволок столько хлама? И почему признался, что рассчитывает именно на секс? Кто вообще о таком говорит, если реально что-то планирует?!

Ещё этот пятилетний договор аренды. Неужто мне придётся искать новую квартиру? Даром я что ли лоджию переоборудовала под свои писательские нужды?

Нет уж, шиш угадал. Если кто и съедет, то только он. Не пожелает по-хорошему, поступим по-плохому. И пускай даже не надеется вновь затащить меня в койку. С мягким знаком, товарищ Ягодицын! И кукиш с маслом в довесок.

Усиленно пыхчу почти до самого рассвета. Сочиняю каверзы одна другой страшнее.

Так, первым делом я ему обувной крем в тюбик от зубной пасты напихаю. Потом все вещи в лапшу изрежу. Затем на компьютер порно-баннер установлю, пускай наслаждается поревом, герой-любownik. В кроссовки клей залью. Все «собачки» с замков посрываю...

Под эти мстительные мысли засыпаю. Очухиваюсь ближе к полудню. В квартире перво-зданная тишина.

Тщательно одеваюсь и выхожу на разведку. Гонзо приветствует меня с зарядной станции:

– О-о, привета, Красивый ножик! Ты много-много спать, а всё равно не отдохнул, совсем не отдохнул! Очень-очень печально, э-э... Давай я тебе ромашковый чай посоветую, да-да, он поможет!

– Твой повелитель где?

– Э-э, Красивый ножик любопытный... Это конфиденциальная информация, очень-очень секретная. Про такое не беседуем, ни-ни! Повелитель – моя разработчика, да, большой шаман. А за большим шаманом следить нельзя, никак нельзя, понимаешь?

– Понимаю, дурилка картонная. Передай своему большому шаману, что он не менее большая задница. Даром что подтянутая, – бурчу себе под нос и иду ставить чайник.

– Красивый ножик, зачем обзывать? Обзывать повелителя – дело нехорошее, совсем нехорошее. Он же великий, мудрый, может обиду сделать. А мы должны с уважением к нему, с любовью большой, ага.

Машу рукой на балабола и иду в ванную. А там картина Репина «Охамевшие бурлаки». В стаканчике рядом с моей щёткой болтается ещё одна, в шкафчике целая батарея кремов, лосьонов и гелей для бритья. На краю раковины стоит подставка с триммером.

Вот же поганка белобрысая! Будто специально своё трихомудье выставил в надежде, что облезу от злости.

Ну ничего! Мы тоже не лыком шиты! Кладу рядом с его бритвой упаковку прокладок, замечаю чужеродную чёрную футболку и добавляю ей яркости при помощи помады.

Да, я гадкая и мелочная. А Жопуард отсюда свалит до конца месяца, или я буду не я.

На его половину ступить не осмеливаюсь. Мало ли, вдруг он и впрямь решит сегодня съехать, а я своими действиями только разожгу желание дать ответку.

За завтраком от нечего делать донимаю вопросами шваброида. Всё-таки он поинтереснее умной колонки, и да чувства юмора не лишён.

– Кем работает твой шаман?

– Повелитель трудится на благо общества, да-да. Он гениальный тестировщик! – вопит Гонзо едва ли не с гордостью. – Помогает братьям моим меньшим обрести веру в себя и свой программный код, совсем помогает, ага.

Тестировщикам, очевидно, нехило платят, если они могут себе позволить настоящие швейцарские часы.

– А кто такие эти твои братья?

– Андроиды, роботы-ассистенты... Большие машины с маленьким разумом, да-да. Но повелитель делает их умнее! Исправляет лаги, один за другим, и вот робот уже лучше понимает, что делать. Спасибо повелителю, ага!

– Он женат? – решаю вывести негодя на чистую воду.

– О-о, слушай историю: мудрый шаман не встретил жена, совсем не встретил! А он думает: Красивый ножик лучше подходит, намного лучше. Очень-очень мечтал о ножике, дни и вечера считал, всё мечтал, мечтал... Другой информации нет, только эта, да-да. А шаман-то, он не любит, когда о нём спрашивают: он могущественный, сильный, духи его охраняют!

– Что ещё за духи? – похихикиваю в кулак. Во сочиняет жестянка!

– О-о, смотри: разный цифровой файервол! Мощный защита даёт, ух, как крепко! Но почему же у тебя так грустно, красивый ножик, а? Телевизор молчит – совсем молчит, песни никто не поёт, э-э... Вся техника очень-очень старый, даже мой прабабушка, старая-старая, такой не знает! И холодильник рычал всю ночь, громко рычал, как будто болен, сильно болен. Что же делать, да-да?

– Это он из-за вас простудился, – в полную силу хохочу я. – Не любит незваных гостей.

– О-о, нет, мы не гости. Мы тут порядок наводить! Уют чинить, всё восстанавливать, мужская работа, ага! У тебя дела плохо идут, Красивый ножик, но не грусти: мы помогать будем, много-много помогать, очень-очень! А ты потом спасибо скажешь. Шаман любит брать спасибо, да-да, так и надо!

Меня начинают терзать смутные сомнения. Шаман любит брать спасибо?! А влезть в моё общение со шваброидом он не пробовал, нет?

Понятно, очередной развод для шестиклашек, а я ведусь. Тьфу на них обоих.

Допиваю порядком остывший кофе и удаляюсь к себе. Поднявшееся было настроение стремительно катится вниз.

Теперь Жопуарду доподлинно известно, что он мне, как минимум, интересен, раз я тайком выпрашиваю о нём его болтливого питомца.

Браво, Ника! Бьёшь все рекорды тупости.

В дурном расположении сажусь за повседневную рутину. Просматриваю статистику просмотров по моим книгам, пишу ответы на комментарии, детально изучаю историю продаж, сверяюсь с графиками скидок и акций.

Время летит незаметно. К вечеру умудряюсь кое-как наклепать главу. Результатом остаюсь не слишком довольна, но лучше десять тысяч знаков никудышного текста, чем дырка от бублика.

И только когда входная дверь со скрипом открывается и закрывается, меня нагоняет осознание, что рабочий день подошёл к концу. А я только и успела, что позавтракать.

Решаю дождаться, пока большой-большой шаман скроется в своих палатах, чтобы нам совсем не пересекаться, но мажорчик считает иначе. Разувается, бросает ключи на столик в прихожей (*определяю его перемещение по звукам*) и вежливо скребётся ко мне.

– Приёмные часы по вторникам и субботам с десяти до двенадцати, – ору через всю комнату.

– Я по велению сердца. – Ян беспардонно врывается в мою обитель и скалится, что гиена.
– А заодно с извинениями.

Поочерёдно поднимает вверх руки. В одной у него бумажный пакет из моей любимой кондитерской, в другой – фирменная коробка из китайского ресторана, который также у меня в фаворе.

Неужто мы в ту ночь посмаковали и мои вкусовые предпочтения? И он запомнил аж на целый месяц?! Да быть того не может.

– Я не ем после шести! – рявкаю и отворачиваюсь.

– Да брось! – надоедливый квартирант оставляет припасы возле двери, а сам шагает мне навстречу. – Мы вчера не с того начали, вернее, это я сморозил откровенную глупость. И прошу прощения за свои слова. Не хотел тебя обидеть или оскорбить.

Надо что-то делать с этой мерзкой привычкой нарушать границы моей территории. Эдак он скоро возомнит, будто вправе вламываться ко мне среди ночи, потом начнёт проситься на постой под одеяло, а там и до новой совместной партии в секс-понг доиграемся. Нет уж. Баста, карапузики, кончились танцы.

– Я согласна на примирение, если пообещаешь съехать.

– Нет. Мне здесь нравится, – легко парирует Король остолопов.

Да у него не задница крепкая, а башка чугунная! Непрошибаемый.

– Хочешь, сделаю так, что резко разонравится? – лезу в бутылку и встаю с дивана.

– Пока ты всё делаешь наоборот, – подмигивает Ян и, не дожидаясь моей реплики, уходит. Орёт уже из кухни. – Кончай брыкаться, иди накормлю вкусняшками.

В итоге соблазн побеждает. Мне банально интересно, что за блюда он решил выбрать. Если надоумился купить в кондитерской мой любимый шоколадный брауни...

Да-а-а-а! Я его почую даже за сотни метров, а сейчас так и вовсе вытягиваюсь пружинкой и как Рокфор из мультика «Чип и Дейл» плетусь за терпким ароматом шоколада.

Ян при виде меня даже не старается сдержать довольной ухмылки, в которой мне чудится ехидство вроде «Как легко манипулировать толстушкой при помощи еды». Скалюсь в ответ, ибо комплексов у меня ноль! Накося, выкуси, красивомордый!

Он выставляет коробку на центр стола, перекладывает пирожные в тарелку и просит достать приборы и стаканы, а сам срывается с места, бочком протискивается мимо, конечно же, не забыв случайно терануться о мою задницу. И улепётывает в ванную.

Любуйся гигиеничками, Жопуард!

Нарочно не жду его возвращения. Я жирная и невоспитанная хрюшка, пускай привыкает к отвратительным манерам. Поэтому срываю упаковку с бомбезно прекрасной утки по-пекински, отрываю птице ногу и смачно вгрызаюсь в мясо.

Стону и вздыхаю вполне естественно, потому как это преступно вкусно и вульгарно божественно. А вот чавкать начинаю, едва слышу шаги за спиной.

– Если б знал, что ты такая голодная, освободился бы пораньше, – восторженно подмечает Ян и ошеломляет тем, что наклоняется и быстро клюёт в щеку. Якобы мимоходом. – Спасибо за этот сюрприз, – падает на стул напротив и дёргает на груди футболку, которую украшает рукописная надпись аршинными алыми буквами «*Козлище*».

У меня дар речи отшибает. А этот сверкающий жемчужной улыбкой муфлон следует моему примеру и уродует запечённое произведение кулинарного искусства – отрывает вторую ногу, набивает полный рот:

– Мля-я, вкусно до жути! – и чавкает оглушительнее меня.

Так и соревнуемся, кто больший свин, пожирая несчастную утку с варварством пещерных жителей. Глумливый соседushка даже рыгать не стесняется, а я показушно ковыряюсь вилкой в зубах.

Осталось выяснить, кого первого посетит идея высморкаться в полотенце.

– Так ты съедешь? – решаюсь завести непростой разговор.

– Прикалываешься? Подарить твоему Михалычу сумму залога плюс деньги за пять лет аренды? – выпендрёжник нарочито медленно вытирает испачканные жиром руки о свою футболку, потом вздыхает и срывает её с себя со словами. – Ну не сидеть же в грязной! А ответ на твой вопрос: и не надейся. Я не съеду. Слово пацана.

Чушпанна, блин!

– Значит, это объявление войны, – резюмирую я и делаю именно то, на что он меня провоцирует. Дёргаю молнию на кофточке, и все прелести, коими одарила природа, выпячиваются наружу в обёртке из красного кружева.

Ян замирает. Неотрывно пялится на мою грудь, облизывает разом пересохшие губы и привстаёт, чтобы избавиться от джинсов.

Чёрт, это так предсказуемо, что совсем не интересно. Подрываюсь, хватаю со стола пирожное и чмокаю его куда-то в область шеи. Прямо так, перепачканным ртом, оставляя на коже вонючий след от пряного мяса.

– Спасибо за ужин, котик, – мурлычу, когда он заворожённо склоняется ниже в предвкушении поцелуя.

– Да в общем-то не за что, кошечка, – подыгрывает он и тут же откидывает голову назад, потому что получает щелчок по носу.

– Грабли свои загребушие держи при себе! Как и похотливый рот вкупе со всем остальным.

А потом привычно сбегаю в свою келью, где за запертой на ключ дверью заново переживаю все подробности последних пяти минут разговора.

До чего зверски сексуальный гад, а?!

Ну как Вам новая история? Делитесь в коммах. Я, честно говоря, последние пару глав балдею от Ники. Такая пробивная и непосредственная, прямо завидую ей белой завистью. Действительно ни одного комплекса у девчушки.

Глава 6

Ян

Норовистая девчонка. И горячая, что расплавленный воск. Недаром она мне в первый же час знакомства запала в душу. С такой не соскучишься.

После ужина долго ковыряюсь с уже надоевшей проблемой, с которой безуспешно бьётся вся наша команда, и каждый новый тест только подливает масла в огонь. Ситуация становится критической: на носу масштабный запуск, а умный ассистент при высокой нагрузке (5 000+ одновременных пользователей) превращался в хаотичного оракула. Он не просто ошибается – он трондит с убедительной уверенностью.

Допустим, один пользователь спрашивает: «Во сколько открывается музей?», ассистент чётко отвечает: «В 10 утра». Через минуту другой задаёт тот же вопрос и получает: «В 9 утра, но сегодня выходной». Третий спрашивает про погоду в Москве, однако узнаёт прогноз для Якутска с точными данными по температуре и ветру, будто так и надо.

Хуже всего было, когда умная машина начинала смешивать диалоги: на вопрос про рецепт шарлотки выдавала фрагмент расписания поездов, а на запрос о курсе доллара – отрывок из детской сказки.

Вот и этим вечером мотаюсь между мониторами, запускаю стресс-тесты, сверяю логи. Проверяю код слой за слоем: алгоритмы обработки запросов, механизмы кэширования, маршрутизацию диалогов. Профилирую память, отслеживаю потоки данных, но система по всем параметрам выглядит идеально. Ни утечек, ни падений, ни очевидных ошибок.

Отчаявшись, иду на кухню за свежей порцией кофеина и сталкиваюсь в коридоре с Никой.

На голове у неё ярко-розовое полотенце, щёки разругались от горячей воды, на шее и ключицах блестят капельки воды.

Но тормозит меня отнюдь не её съедобный вид. Честно говоря, я столь глубоко ушёл в анализ проблемы, что вообще не замечаю внешних раздражителей. Стопорит другое. Пижама, что на ней сейчас с яркими цветными пуговицами. *Красный, жёлтый, зелёный, фиолетовый...*

– Ты когда разгребёшь эту свалку до конца? – подбоченивается Ника и грозно указывает на ряды коробок, до которых руки вчера так и не дошли.

А я таращусь на её рубашку и подхожу ближе, чтобы закрепить идею тактильно. Прикасаюсь к верхней пуговице и бормочу себе под нос:

– Разделение потоков, – мысль ударяет, как электрический разряд, – это же как в светофоре.

При огромной нагрузке система не успевает чётко маркировать диалоги: ответы для пользователя А случайно попадают к пользователю Б, а кэш обновляется с задержкой, создавая «фантомные» версии ответов. Вот оно что!

Сияю от облегчения.

Да Илона Маска мне в подмышку, ответ же всегда лежал на поверхности!

Ника странно на меня косится.

– У тебя эпилепсия? – уточняет с беспокойством.

– Да! – ору в полную силу, обхватываю её за талию и легко отрываю от пола. Кружу на месте, потому что изнутри бьёт гейзер облегчения. – И приступы бесконтрольной эйфории!

Прижимаю к себе эту рассерженно пыхтящую красотку, чмокаю в щеку и получаю вполне заслуженный удар кулаком в плечо.

Объясняться мне недосуг. Так что ставлю соседку на место и под её несмолкаемые крики:

– Шизоид! Голову чаще проветривай! А руки вообще не смей ко мне тянуть, иначе...

... что-то там грозит. Киваю, со всем соглашаюсь и падаю в кресло.

Это был не баг в коде – это была системная дыра в архитектуре обработки параллельных запросов.

Пальцы летают по клавиатуре: внедряю жёсткую изоляцию сессий, добавляю уникальные токены для каждого диалога, перестраиваю очередь обработки запросов и увеличиваю буфер для временного хранения контекста. Затем запускаю финальный тест – 10 000 одновременных сессий.

Экран замирает на долю секунды... и вспыхивает зелёным.

Верещу, как старшекласница при виде Билана (или кто там у них сейчас в кумирах). Хватаю телефон, набираю Пашку и на радостях вываливаю всё случившееся.

Он сонно бурчит что-то в ответ.

– Завтра! Завтра запустим последний масштабный тест, – прогнозирую я, вышагивая от стола к окну. – Ты понимаешь? За 36 часов до дедлайна я закрыл уязвимость, которая могла похоронить весь проект!

Заместитель снова что-то ворчит, а после, нахальная рожа, отключается. Вот как с такими скучнорями работать? Они же мыслят совершенно иными категориями. Семью ценят, о личной жизни заботятся, работу и дом разграничивают. Какой в этом смысл, не пойму.

Восторг мешает заснуть. Хочется рвануть обратно в офис, запустить всю линейку горе-андроидов и начать крупномасштабный тест, но в одиночку мне такой массив испытаний не одолеть.

Приходится дожидаться утра. От нечего делать утыкаюсь в телефон и вдумчиво смахиваю уведомления. Торможу на предпоследнем.

Гонзо пишет:

«Привета, мой повелитель! Гонзо говорит: уборка сделана. Чисто, порядок, уют. Пыль – нет, грязь – нет. Всё хорошо-хорошо. Буду отдыхать, да-да».

В обед мне приходило оповещение о разговоре с Никой. Балабол не преминул похвастаться, что наладил контакт с Красивый ножик. Любопытства ради залажу в историю сообщений и читаю транскрипцию их диалога.

В общем-то ничего интересного. Моё изобретение сочиняет всякую белиберду, как и предписано алгоритмом, собственных вопросов не задаёт, а жаль.

Мне, например, хочется узнать, кем же работает Ника. Я уже вдоль и поперёк изучил её страницу в соцсетях, узнал, что она обожает брауни из кондитерской неподалёку (фото десертов было подписано «м-м-м, мои любимые вкусняшки из «СладкоЁжика») и балдеет от утки по-пекински (снимок двухлетней давности с хэштегом «Пекин», геолокацией ресторана и комментарием под ним «налопалась от пуза, уточка пушка!»).

Смотрю в оклеенный дешёвой пенопластовой плиткой потолок и соображаю, этично ли вламываться без спроса в чужое цифровое пространство. Я ведь не пароли и данные банковских карт похищать намерен, так, полагаю по часто посещаемым сайтам...

Короче, поступаю по-свински. Открываю терминал и запускаю программу для сканирования Wi-Fi-сетей. Через несколько секунд на экране появляется россыпь названий: «MyHome», «Guest_Network»... Среди них быстро находится искомое. Сеть с коротким, простым именем – видимо, соседка не заморачивалась с безопасностью. Тип защиты – WPA2, стандартный, но не непробиваемый.

Вздыхаю, на мгновение замираю в нерешительности, глядя на мерцающие строки кода, и всё же продолжаю. В большинстве случаев подобрать пароль несложно. Запускаю словарь из распространённых комбинаций: «12345678», «password», «qwerty», даты рождения, простые слова.

Минуты тянутся медленно, курсор мигает в такт биению сердца. Ничего. Значит, моя красotka с выдумкой, что ж, это радует.

Тогда переключаюсь на другой метод – пытаюсь перехватить «рукопожатие» (handshake): жду, пока какое-то из устройств соседки подключится к сети заново, чтобы уловить момент обмена данными.

Через полчаса удача улыбается: пакет пойман, а значит, Ника до сих пор не спит, хотя уже третий час ночи.

Загружаю свою добычу в программу для анализа и активирую брутфорс – перебор вариантов. Экран заполняют строки символов, цифры и буквы сменяют друг друга, словно в каком-то безумном танце. И вот вспышка: пароль найден. «summer2023». Просто. Ожидаемо. Слишком просто. Надо будет преподать любительнице «Козлищ» пару уроков цифровой безопасности.

Остаётся перехватить трафик. Настраиваю свой роутер так, чтобы создать фальшивую точку доступа – копию сети соседки, но с чуть более сильным сигналом. Название почти не меняется: вместо «Nika_WiFi» становится «Nika_WiFi_Free». Если её телефон или ноутбук автоматически переподключится к новой точке, весь интернет-трафик пойдёт через мой компьютер.

И вот на экране начинают появляться первые записи: запросы к поисковику, переходы на сайты. Часть трафика зашифрована (HTTPS) – там видны только адреса, но кое-где попадаются открытые соединения (HTTP). В мои загребущие лапы попадают URL-адреса, и даже можно увидеть, какие страницы открывались.

На экране пестрит от множества однообразных вкладок с сайта «Литнет». Вспоминаю, что Ника упоминала о своей безудержной страсти к чтению, и лезу в активное окно, которое запущено у неё сейчас.

А там редактор текста и бесчисленные строчки букв перед глазами.

Читаю пару абзацев:

«Рома слез с меня и завалился на бок рядом. Лениво подтянул меня к себе, лизнул щёку. – Ты не успела?»

Ну или не смогла. В конце концов, у меня тоже существует лимит на оргазмы, но не говорить же об этом вслух?

– Нет, – сказала коротко, избегая его взгляда.

Знаете, а это талант! Он кувыркался с какой-то девкой прямо в нашей постели, рахреначил всё хорошее к себе отношение, исчез из моей жизни на целый месяц, а потом объявился с претензиями, вытрахал мозг, тело и душу, да ещё заставил чувствовать себя виноватой. Надо же, какая я бяка распутная, смела подпустить к себе другого мужика».

И недоумеваю. На комментарий не похоже, неужели это...

Ника на своём ноутбуке прокручивает страницу вниз и выбирает между тремя кнопками «Опубликовать сейчас», «Сохранить как черновик» и «Запланировать публикацию». Кликает второй вариант и попадает на страницу с обложкой той самой книги, с отрывком которой я только что свёл знакомство.

В качестве автора указана Николь Кид, а называется сие творение «Мои две половинки». Хм. <https://litnet.com/shrt/WVJd>

В два счета регистрируюсь на сайте, в приступе дебилизма записываю себя под псевдонимом «Клитория Рай» и без раздумий покупаю книгу.

Комментирую первую же главу.

«Кровь хлещет из глаз. Где ты, автор, видела таких неутомимых мужиков? Ночной секс-марафон, утренняя разминка, да ещё на соседку сверху потянуло. Прекращай снабжать героя виагрой, иначе он в 40 ляжет с инфарктом».

Листаю дальше. Обилие пикантных подробностей подкупает. Невольно пытаюсь вообразить, что же творится у Ники в голове, раз она описывает такое.

Между главами замечаю уведомление о полученном ответе. И вот что написала мне Николь Кид.

«Дорогая Клитория! Спасибо за трогательную заботу о Ромкином благополучии».

И всё? Мне становится скучно. Решаю вывести толерантного автора из равновесия.

«Пишите вы неплохо, НО! Совсем не жизненно».

Почёсываю затылок и отправляю следующий комментарий, а дальше строчу всё, что на ум приходит.

«Почему они просто не делят её по дням недели? Понедельник-среда – старший, четверг-суббота – младший, воскресенье – выходной у всех».

«Если бы их страсть измеряли в киловаттах, город остался бы без света».

«Главный вопрос: как они делят парковочное место у её дома?»

«После этой книги я *понял*, что самое эротичное – это вовремя лечь спать».

Отправляю свежую мысль, перечитываю и спохватываюсь. Я ж Клитория, а не скептически настроенный мужик, который за пару часов проглотил слащавый эротический романчик.

Редактирую текст. Ответа так и не получаю и со спокойной душой сворачиваю свою слежку. Валуясь мордой в подушку, закрываю глаза и засыпаю. Секунд на десять. Потом подрываюсь и пролистываю страницу автора.

«Мой властитель». На обложке смазливый брюнет с волчьим взглядом и затюканная девица в собачьем ошейнике. Он держит её за поводок, приподнимая с колен, а у героини такое раболепие в глазах, что тянет оборжаться. БДСМ в интерпретации Ники? Эх, промахнулся я с выбором, нужно было читать эту.

Улыбка не желает сползать с лица. Определённо, сегодня один из лучших дней в моей жизни. И с системным сбоем разобрался, и кое-что о Золушке разузнал. Осталось найти практическое применение всем её теоретическим познаниям. Уф, я даже знаю действенный способ.

На закусочку Вам вкусная фоточка этой парочки

Глава 7

Ника

«Похоже, вы оцениваете роман по скорости происходящего, а не по глубине переживаний героев. Что ж, развлекательный контент с экшеном на каждой странице – это тоже жанр. Но мой роман о психологии страсти, ревности и выбора. Если для вас «страсть в киловаттах» – предел понимания любви, то, может, стоит начать с чего-то попроще? Хотя бы с комиксов?

Видимо, я забыла вставить сцену драки за мотоцикл – это точно добавило бы баллов по вашей шкале ценностей. Но, увы, я пишу о любви, а не о парковочных местах. Возможно, в следующий раз вы выберете книгу, где герои решают проблемы кулаками, а не сердцем.

Если роман кажется вам абсурдным – просто закройте его. И постарайтесь не путать любовную прозу с инструкцией по распределению ресурсов. Спасибо».

Два часа провозилась с клятым комментарием для чиканутой пользовательницы с ником Клитория Рай. Удаляла всю матершину, что пёрла на ум, и старалась выразить негодование в максимально корректной форме.

Это в жизни я в лёгкую могу съездить по физиономии, плюнуть в чужой кофе и накрыть трёхэтажным непечатным словом, а в интернете, тем более на своей авторской страничке, стараюсь блюсти высокий моральный облик.

К обеду решаю выбраться на прогулку, вот только сталкиваюсь с очевидными трудностями – до нижнего отсека шкафа в прихожей невозможно добраться, дверца намертво припечатана коробками.

Бессильно потрясаю кулаками и со психом тащу всю эту дребедень к нему в комнату. Ежели там закрыто, составлю под дверью, в противном случае построю Пизанскую башню прямо у него на кровати. Ведь напоминала же вчера, что коридор для общего пользования, и нечего устраивать из него филиал склада.

Кое-как волочу огромного картонного монстра в соседскую спальню и с кряхтением пинаю хлипкую дверь. Та поддаётся и пропускает в царство пророка.

Пару месяцев назад эта комната выглядела совсем иначе. Воздушные тюли, кремовые обои, пушистый бежевый ковёр на полу и задорные огоньки гирлянд над изголовьем кровати. Бывшая квартирантка Даша умела создавать вокруг себя уют.

Зато сейчас спальня походит на полуподвальный бункер. На окнах непроницаемые чёрные шторы, постель разворочена, будто бы её покидали в спешке. Угловой письменный стол размера «гигант» уставлен аж тремя огромными мониторами, а под ними смешно пыхтят и перемигиваются лампочками столько же системных блоков.

Место лампы на прикроватной тумбочке занимает сетевой фильтр в металлизированном корпусе, утыканный блоками питания. От них тянутся змейки проводов к различным устройствам. Некий гаджет в жёлтом корпусе, нечто напоминающее калькулятор, прибор с двумя крошечными отвёрточками и кругляш для бесконтактной зарядки.

Мимоходом разглядываю всю эту цифровую белиберду и диву даюсь, сколько же непонятных штук у Жопуарда. А в коробках у него, видимо, кирпичи, чтобы замуроваться в случае массовой атаки или нашествия саранчи.

Делаю последний заход, и проницательный Гонзо ловит меня с поличным. Бесшумно подкрадывается сзади и ка-а-ак запричитает:

– Уф, зачем ты делать плохие вещи? Шпионить за большим шаманом – это нехорошо, зря-зря так делать. Он будет ругать Красивый ножик, сделает ай-яй, очень строго. Брысь-брысь, не надо подсматривать, понимаешь? У Красивый ножик должен быть красивый нос – прямой, гордый, а не любопытный, как у Варваров. Так лучше будет, ага.

– Твой шаман – ленивый жопа, можешь так ему и передать! – отвечаю с достоинством и хочу выйти, когда замечаю на одном из мониторов до боли знакомый сайт с отметкой у колокольчика в правом верхнем углу.

Перешагиваю через Чукотку и быстро щёлкаю курсором по значку, и в желудке что-то ёкает.

«Вы получили ответ на Ваш комментарий от Николь Кид».

Проваливаюсь в отзывы к своему роману «Мои две половинки» и вижу... Тот самый ответ, над сочинением которого билась добрую половину утра.

Почему меня не удивляет выходка этой блондинистой Чупакабры?

– О-о, ай-яй-ай! Совсем нехорошо быть такой любопытный! Плохой, очень-очень плохой, невоспитанный Красивый ножик! – Гонзо подкатывается к моим босым пяткам и начинает методично шлёпать по ним своими щётками. – Я сейчас же включать сигнал тревоги, громко-громко, сирена будет реветь! И сообщать мой повелитель, срочно сообщать о несанкционированный взлом, да-да! Нельзя так делать, нельзя-нельзя!

Гляньте-ка на эту парочку!

– А вламываться в чужую квартиру под видом жильцов можно? – ввязываюсь в пустую перепалку с бездушной машиной. – А соваться в чужие дела?! Передай своему рёхнутуму шаману...

– Что передать? – перебивает меня деланно спокойный голос, и на пороге комнаты материализуется товарищ Ягодицын.

Вся желчь, что копилась с утра, прорывается наружу. Зверею от ярости, вскидываю кулаки и кометой лечу на псевдо-Клиторию! Ну сейчас он у меня разведает, почём фунт лиха!

Ян настороженно вскидывает руки, вроде как сдаётся.

– Эй-эй, спокойнее, дамочка! Я всего лишь прикинулся твоей читательницей!

Он отскакивает, когда пытаюсь протаранить в грудь головой, и меня на полном ходу вышвыривает в коридор, где не протолкнуться от коробок.

От лобового столкновения с одной из колонн меня оберегают мужские руки, что обвиваются вокруг живота и тащат назад.

– Прикинулся всего лишь?! – свищу, как закипающий самовар. – Сначала жильцом, потом критиком! Да кем ты себя возомнил?

Пробую выкрутиться из его захвата, но коли уж не выходит, наклоняюсь и кусаю за предплечье. Блонди верещит:

– Совсем ополоумела? – и отдёргивает руки.

Круто разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и грожу пальцем.

– Живо вымелся из моей квартиры!

– Фигушки! У меня договор аренды!

– Сейчас я тебе его, знаешь, куда поперёк затолкаю?!

– Догадываюсь. Силёнок не хватит!

И это накачанное недоразумение показывает мне язык, а после позорно прячется за закрытой дверью своей спальни.

Не, вы видали концентрацию хамства?!

– ЯН! – колочу ногой в хлипкую преграду. – А ну живо открывай! Мы не договорили.

– Ты дикая и неменяемая, а я с сумасшедшими переговоры не веду! – дразнится из-за двери нахал.

Наваливаюсь на створку плечом, та чуть поддаётся, но тут же возвращается на место. Видимо, трусишка подпирает её собой с той стороны.

– А ну живо выходи, подлюга!

– Что-то не хочется. Попроси вежливо.

– Вылазь давай! Я тебе вежливо космы повыдираю, Клитория!

– Обиделась на детскую шутку? Так не пойдёт.

– Детскую? Тебе сколько лет, недоумок, чтобы так шутить? Я, между прочим, от досады чуть ноутбук не сгрызла, – на последнем слове ударяю деревяшку раскрытой ладонью и отхожу. Хай с ним, с Жопозадом. По всему видать, так и не вырос из подростковых штанишек.

Направляюсь к себе, чтобы переодеться и выместить из этой богадельни, только Ян снова вмешивается.

С понурой головой выбирается из укрытия и бубнит ну прямо-таки с сожалением:

– Слушай, прости. Я хотел тебя побесить, самую малость, а получилось расстроить.

Отмахиваюсь от лживых извинений.

– Интересно у тебя получается: то глупость сморозил, то побесить хотел. Всё как-то нена-роком, да?

Он кивает с видом человека, осознавшего всю тяжесть совершённого преступления. Смотрит в пол, потом медленно поднимает взгляд и заискивающе предлагает:

– Может, перемирие? Чур я угощаю тебя ужином.

– Без алкоголя! – моментально выставляю своё условие, а то знаем, плавали уже разок в этих опасных водах.

– Замётано!

Понятия не имею, что подвигло меня согласиться. Последние десять минут побили все рекорды эмоциональности, и сейчас я ощущаю такую опустошённость, что словесному описанию не поддаётся.

А ещё через час мы садимся за столик в одном из пафосных ресторанов Иркутска, где из каждого угла фонтанирует роскошь. Тут и фонтанчик декоративный имеется, и блистающий белизной рояль, над которым трагедийно склоняется музыкант, выбивая из инструмента тягуче-печальные ноты.

Официант в безукоризненном фраке приносит нам два меню и удаляется с поклоном.

– Я его знаю, – шёпотом делюсь с Яном, переваливаясь через стол.

– Да, откуда?

– Это Бэрримор. Сейчас притаранит нам горшочек овсянки.

Ян хохочет, откидывает со лба светлую прядь, чтобы не лезла в глаза, и удивляет тем, что отбирает у меня папку с наименованием блюд.

– Давай симпровизируем. Пускай Бэрримор нас удивит.

– Не боишься завтра проснуться нищим? Цены здесь, небось, космические, а за удивление возьмут по тройному тарифу.

– Должен же я как-то поплатиться за свои косяки.

– Могу бесплатно заехать по морде. И мне приятно, и тебе дёшево встанет.

– Лучше начнём с чистого листа? – вносит свои коррективы соседка. – Будто только что познакомились.

Он подмигивает, а я самую малость позволяю себе полюбоваться.

– Так ты работаешь тестировщиком.

– Да, мы это уже обсуждали. А вот с тобой до сих пор нет определённости. Писательство ведь не основной вид твоего заработка?

– Это скорее хобби, которому я уделяю каждую свободную минуту. А работаю... – оглядываю помпезный банкетный зал, желая уловить побольше подробностей. – По-разному случается. С первого сентября выхожу на работу в школу в качестве библиотекаря, а до того три года отбарабанила за прилавком в секс-шопе.

К несчастью, именно в этот момент красавчик решает испить водицы, и моё признание настигает его ровнёхонько на середине глотка. В качестве суперприза он давится, окатывает струёй так некстати подошедшего английского дворецкого, остальное богатырским кашлем рассеивает вокруг себя.

Получается довольно прикольно. Ян багровеет, затем синееет. Старина Бэрримор отскакивает, кривится от недовольства, потом вспоминает о лакейском уставе и бросается клиенту на выручку. Отечески хлопает бедолагу по спине, помогая прокашляться.

– Всё-всё, спасибо, – глухо говорит Ян и отстраняется от заботливого официанта. Глядит на меня с укором.

Упс, не знала, что столь незначительный факт в моей биографии так пагубно скажется на здравии товарища Ягодицына.

– Продавцом, значит, – хмыкает он, утирает взмокший лоб тканевой салфеткой с монограммой и наспех озвучивает наш заказ: – Удивите нас, Бэрримор. Приятно удивите.

– Слушаю-с, – джентльмен почтительно кланяется и уносит меню.

– Вот там-то и родилась идея первого порно-романа, – пускаюсь в объяснения. – Ты удивишься, но в нашем пуританском, по большей части, обществе в таких магазинах очереди не выстраиваются даже на четырнадцатое февраля. Два-три солидных клиента в день и с десятков зевак – вот и весь ажиотаж. А рабочий день долгий, поневоле от скуки взвоешь. Вот я и начала фантазировать.

– Ты пытаешься убедить меня в том, что вдохновение снизошло на тебя в окружении резиновых писюнов?

– М-м-м, да, как-то так.

– А теперь ты перебираешься в школьную библиотеку, чтобы на тебя веяло духом классиков?

– Ага, заодно надеюсь подглядеть за повадками подростков. Давно хотела выбраться из оков эро-писанины и попробовать себя в молодёжной прозе.

– Ты ещё большая сумасшедшая, чем я представлял, – с восхищением произносит Ян и придвигается ближе к столу. – И совсем не похожа на автора «клубнички».

– То есть?

– Есть определённый стереотип. Вроде как в порно-романисты...

– А? Это ты только что выдумал для меня специализацию?

– Не перебивай, вредина, лучше дослушай. Так вот, откровенные бабские романчики пишут отвратительные толстухи с кучей кошек и неудавшейся личной жизнью, – нагло выдаёт он и быстро добавляет: – Говорю же, это стереотип. Который ты только что с грохотом разнесла в пух и прах.

– Потому что у меня нет десятка кошек?

– Потому что ты красавица и останешься ею даже с сотней вислоухих британцев.

Вот ведь льстец! Аж промурлыкалась внутри.

Вот такие они, мои зайки котики)) дальше будет только горячее, так что готовьтесь ко вкуснятине!

Или ну их, эти жаркие сцены? Снизим температуру до пуританства?

Жду ваше мнение!

Глава 8

Ян

Ужин проходит на удивление спокойно. Мы оба умудряемся есть, не закрывая ртов ни на секунду. Обсуждаем всё подряд, начиная от списка ингредиентов того или иного блюда, а заканчивать так и вовсе не намерены.

– Твой любимый цвет? – выпаливает Ника так, будто зачитывает вслух блиц-опрос, где на кону по меньшей мере полмиллиона долларов.

– Серый, он самый нейтральный. А у тебя?

– Фуксия. Обожаю всё яркое.

– Потанцуем?

– Что? Под эту похоронку?

– Деваться тебе некуда, – я уже на ногах и предлагаю даме руку.

Она пару секунд смотрит на меня с недоверием, словно ищет подвох, потом осторожно вкладывает свою ладонь и смущённо хихикает.

А я балдею от её запаха и близости, когда сходимся в церемониальных объятиях. Вихрь, что закружил нас в ту ночь, снова пробивается наружу.

– Ты обалденно пахнешь, – шепчу ей в волосы.

– Да, ты тоже неплох для Жопуарда.

– Что? Как ты меня обозвала?

– Герцогом Ягодицыным, – выпаливает эта мадемуазель без всякого стеснения. – А что? Прикинь, просыпаюсь я однажды с конкретного бодуна. Имени своего и то вспомнить не могу, а тут перед глазами твои ягодиципсы, – она хватает меня пониже спины и нежно так запускает в ткань брюк коготки.

Настоящий мужик всегда отвечает взаимностью, поэтому с самым невинным видом обеими руками стискиваю её манящую попу.

– Ян, мы на людях, забыл? – фальшиво возмущается она, и мы снова топчемся на месте.

Как оказалось, пластичностью и чувством ритма обделены оба, что не мешает нам просто нарезать круги и вполголоса перешучиваться.

– Расскажешь, почему тогда от меня сбежала?

– Я и сейчас близка к этому.

– Я настолько ужасен?

– Ты ведь не всерьёз? Ну посуди сам. Мы познакомились на курорте, покувыркались и разошлись, как в море корабли. А потом ты вламываешься в мою квартиру с целым вагоном вещей, будто табар цыганский обнёс, да ещё имеешь наглость... Кстати, как ты вообще меня нашёл?

– Знатно прошерстил соцсети. Дело это муторное и дотошное, но, как видишь, я справился.

Ника вздыхает, качает головой:

– Сколько же я тебе всего выболтала, а? – и льнёт щекой к моему плечу.

– На самом деле не так уж много. Я искал иркутянку-шатенку в районе тридцати лет с именем Ника, а заодно проверял всех Вероник и Доминик.

– Надо было назваться Люсей. А про писательство тоже сам разведал? Я ведь ничего не публикую на своей обычной странице. Специально завела отдельный аккаунт.

Приходится признаться в содеянном. Ника хмурится.

– Ты хакер что ли?

– Скажем так, это моё тайное хобби.

– Теперь уже не тайное, раз ляпнул мне.

– Что, используешь в корыстных целях и прославишь меня на весь рунет, сделав из меня прототип для своего персонажа?

– С радостью бы, – вдруг печально вздыхает Ника и тянет меня обратно к столику. – Одна закавыка имеется: я ни черта о тебе не знаю. Та ночь... Короче, я ни единой секунды не помню.

– Серьёзно? – усаживаюсь напротив и подпираю локтями столешницу. Плевать на этикет, я кайфую от каждой секунды этого разговора.

– Вообще ничегошеньки, – хмуро соглашается Ника. – Ты и впрямь как чистый лист для меня.

Нам приносят десерты. Моей соседке достаётся диковинное пирожное в форме затейливо вывернутого листа золотинки, а у меня на тарелке застывшая клякса из карамели, наполненная каким-то ягодным муссом.

– Тогда давай восполнять пробелы, – хватаюсь за ложечку, зачерпываю немного кремовой субстанции и тянусь к Нике. – Начнём с моей подноготной. Меня зовут Янис Холодов, мне тридцать два года, и я не женат. Постоянных любовниц разогнал пару недель назад, так что на данном этапе перманентно холост.

– Я не ослышалась? Любовниц? Во множественном числе?

– Банальное стечение обстоятельств, не заморачивайся, – беспечно отмахиваюсь я и облизываюсь, глядя на то, как аккуратно она обхватывает ложечку своими губами, а после обводит их кончиком языка. – Что насчёт тебя? Есть какой-то идейный вдохновитель, которого мне требуется устранить?

– Уж не претендуешь ли ты на роль моего вдохновителя?

– Ещё как, можешь устраивать кастинг.

Я отламываю от своей карамельной конструкции кусочек брызг и разжёвываю зубами. Ника делает то же самое со своей золотинкой.

– Фу, кислятина, – морщит хорошенький носик и наконец отвечает. – И нет у меня никого. Ни в единственном, ни во множественном числе.

– Никто не отвечает высоким требованиям?

– Да просто отношения для меня... как удавка на шею. Слишком много времени и сил отнимают, а мне сейчас позарез нужно закончить роман и приступить к следующему. По нему уже есть договорённость, а вот идей и задумок – пшик.

– Скажи честно, между мной и работой над книгой ты что предпочтёшь? – решаюсь задать отнюдь не праздный вопрос.

– Книгу, естественно.

– Я тоже выберу работу. А знаешь, что это значит для нас?

– Ну естественно, ведь никакого «нас» не существует, – отшучивается Ника.

– Нифига подобного, – ныряю пальцем в мусс и снова хочу накормить свою даму.

Она послушно размыкает губы и до того дерзко обвивается языком вокруг меня, что из глаз фейерверком бьют искры.

– Это значит, – склоняюсь ближе и почти рычу ей в лицо, – что мы можем вернуться домой и поработать над твоей забывчивостью.

– Пустые потрапушки мне предлагаешь? – смеётся Ника, но во взгляде я этой весёлости не наблюдаю.

Там не меньший пожар. И ноздри часто раздуваются от поверхностных вдохов.

– Пойдём, – срываюсь с места, жестом велю Бэрримору записать всё на мой счёт – наша фирма часто проводит здесь деловые переговоры – и увожу свою соседку.

Не сорваться бы до дома, вот о чём думаю, пока провожаю Нику до внедорожника и галантно придерживаю дверцу.

Только она и не думает помогать мне в моих стремлениях. Ловко взбирается на высокую ступеньку джипа, падает на сиденье и настойчиво затаскивает меня туда же.

Ох, это очень дрянная идея. Вот прям совсем никудышная.

Глава 9

Ян

Едва дверь захлопывается, она набрасывается на моё лицо с нетерпением, в котором отчаяние граничит с физической потребностью. Жадно водит ладонями по моим щекам и шепчет:

– Голый секс, да? Никаких: «Где моя жрачка?» и «Почему носки не стираны?»

Я спешно отыскиваю рычаг регулировки кресла, чтобы продвинуть его глубже в салон, и ухмыляюсь:

– Могу закатить тебе сцену насчёт отсутствия борща, – впиваюсь в её шею губами и почти теряю мысль. Похотью ударяет как молнией. – Потом отшлёп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.